КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА, КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ НЕНАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ЛАТВИИ

ПАНТЮХИНА Инга Владимировна, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, кандидат юридических наук, доцент
390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы, 46
E-mail: i.pantuhina@rsu.edu.ru

ЛАРИНА Любовь Юрьевна, доцент кафедры уголовного права и процесса Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, кандидат юридических наук
390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы, 46
E-mail: larina1708@yandex.ru

В статье проведено сравнительное исследование уголовных законов Латвии и России в части защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних. В результате авторам удалось выявить сильные и слабые стороны законов обеих стран. Компаративный анализ показал, что латвийское законодательство выигрывает в части регламентации всех форм ненасильственных сексуальных контактов совершеннолетнего с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, в рамках единого состава преступления; легального толкования развратных действий, установления насильственного и ненасильственного их характера, конкретизации способов их совершения. Обосновывается авторский вывод о том, что в российском законе более удачна регламентация возраста потерпевшего в ненасильственных половых посягательствах на несовершеннолетних (12—16 лет); признание лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста, беспомощными; дифференциация уголовной ответственности в рамках квалифицированных составов. В Латвии более логично выстроена система наказаний за рассмотренные преступления, тогда как чрезмерная их дифференциация в России приводит к невостребованности верхних пределов санкций. Особое внимание обращено на норму уголовного закона Латвии, предусматривающую ответственность за склонение к действиям сексуального характера. Подобного состава в уголовном законе России не содержится, в результате чего данное деяние часто остается ненаказуемым. Авторы отмечают, что взаимное использование выявленных положительных моментов рассмотренных норм способно повысить степень и качество защиты половой неприкосновенности подрастающего поколения обеих стран.

Ключевые слова: половые посягательства, ненасильственное преступление, несовершеннолетний, возрастные границы, развратные действия, вовлечение в сексуальные отношения, наказание, лишение свободы.

COMPARATIVE ANALYSIS OF NONVIOLENT SEXUAL ABUSE OF MINORS UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA AND LATVIA

I. V. PANTYUKHINA, head of the chair of criminal law and procedure of the Ryazan State University named for S. Esenin, candidate of legal sciences, associate professor
46, Svobody st., Ryazan, Russia, 390000
E-mail: i.pantuhina@rsu.edu.ru

L. Yu. LARINA, associate professor of the chair of civil law and procedure of the Ryazan State University named for S. Esenin, candidate of legal sciences
46, Svobody st., Ryazan, Russia, 390000
E-mail: larina1708@yandex.ru

The article conducts comparative research of criminal laws of Latvia and Russia regarding protection of sexual inviolability of minors. It reveals strengths and weaknesses of laws in both countries. The comparative analysis shows that the Latvian legislation contrasts favorably in regulation of all forms of nonviolent sexual contacts by a full age person with a person under the

age of sixteen years as part of single corpus delicti; in legal interpretation of sexual abuse, in establishment whether it is violent or non violent, specification of their modus operandi. The Criminal Code of the Russian Federation better regulates a victim's age in nonviolent sexual abuse of minors (12—16 years); the Code recognizes persons under the age of twelve years helpless; it differentiates criminal liability within the qualified offence. In Latvia the system of punishments for these crimes is more logical, whereas in Russia they are excessively differentiated that leads to the absence of demand for the upper limits of sanctions. The authors pay special attention to the rule of the Latvian Criminal law providing responsibility for inducement to sexual activities. There is no similar structure in the Criminal Code of the Russian Federation therefore such offences often remain nonpunishable. In conclusion the authors note that mutual use of the revealed positive moments of the studied norms can raise the level and quality of protection of sexual inviolability of younger generation in both countries.

Keywords: sex abuse, non-violent crime, minors, age limit, indecent assault, involvement in sexual relations, punishment, imprisonment.

DOI: 10.12737/19199

Проблема защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних актуальна для многих стран. Эффективность такой защиты зависит от различных факторов, в том числе от ясности, четкости и логичности построения конструкций норм, призванных ее обеспечивать. Добиться такого совершенства сложно, и в этом аспекте особую роль призвано сыграть сравнение юридической техники законодателей различных стран. Такое «сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права»¹.

В данном аспекте интересен опыт законодателей стран, бывших членов Союза ССР, поскольку они провели реформы своих законов. И если их первые редакции во многом совпадали, то сегодня они различны. Так, близки по конструкциям были составы половых преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее — УК РФ) и Уголовного закона Латвийской Республики 1998 г. (далее — УЗ Латвии) после их принятия, тогда как сегодня, после внесения в них множества изменений, они стали серьезно различаться.

Российский законодатель преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних разместил в гл. 18 УК РФ, в рамках которой принято выделять насильственные и ненасильственные посягательства. К числу последних большинство ученых относит «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» (ст. 134 УК РФ) и «Развратные действия» (ст. 135 УК РФ). Латвийский законодатель половые посягательства объединил с преступлениями против нравственности, определив им место в гл. 16 «Преступления против нравственности и половые». Конструкции половых посягательств на несовершеннолетних позволяют их разделить на насильственные, ненасильственные и смешанные. Ненасильственные образуют «Сексуальные отношения с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» (ст. 161 УЗ Латвии) и «Склонение к действиям сексуального характера» (ст. 162¹ УЗ Латвии), тогда как ст. 162 «Развратные действия» УЗ Латвии носит смешанный характер.

Составы преступлений, предусмотренные ст. 134 УК РФ и ст. 161 УЗ Латвии, несмотря на схожесть названий, существенно различаются по содержанию. Если российским законодателем деяние представлено такими действиями, как половое сношение (ч. 1 ст. 134 УК РФ), мужеложство или лесбиянство (ч. 2 ст. 134 УК РФ), то латвийским — фактически любыми сексуальными действиями, составляющими физический контакт виновного с телом жертвы.

Иные сексуальные действия, помимо перечисленных в ст. 134 УК РФ, нормой не охватываются, что критикуется учеными, исследовавшими конструкцию этой статьи. В частности, отмечается, что ее название сформулировано шире ее содержания и предлагается привести их в соответствие друг с другом посредством указания в содержании статьи «иных действий сексуального характера»². Примечательно, что предложений по изменению названия ст. 134 УК РФ не встречается. Конструкция нормы не исчерпывается теоретической проблемой. Ограниченность действий, регламентированных в ч. 1 и 2 ст. 134 УК РФ, приводит к оценке анальных, оральных и других сексуальных контактов между лицами разного пола (одно из которых достигло совер-

ста» (ст. 161 УЗ Латвии) и «Склонение к действиям сексуального характера» (ст. 162¹ УЗ Латвии), тогда как ст. 162 «Развратные действия» УЗ Латвии носит смешанный характер.

² См., например: Кантемирова К. Х. Теоретические и практические проблемы квалификации половых преступлений // Российский следователь. 2007. № 13. С. 23—24; Кахний М. В. Соотношение изнасилования и полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 5. С. 22—23; Коргутова Т. А. Половые преступления: теоретические и практические аспекты // Современное право. 2009. № 10. С. 142; Романов В. Г. Уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 10—11; Фаткуллина М., Островская Ю. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ // Уголовное право. 2009. № 5. С. 98.

¹ Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права: сб. / сост. В. А. Туманов (вступ. ст., пер.). М., 1981. С. 38.

шеннолетия, а другое достигло 12, но не достигло 16 лет) к оценке как развратных действий, предусмотренных ст. 135 УК РФ.

Различные подходы российского и латвийского законодателей к определению круга потерпевших в рассматриваемых преступлениях. В Латвии определена лишь верхняя граница их возраста — 16 лет. Таким образом, законодатель оставляет на усмотрение суда вменение этого преступления в отношении малолетних, в том числе признания их беспомощными и оценки содеянного виновным особо квалифицированным изнасилованием или сексуальным насилием (ч. 3 ст. 159, ч. 4 или 6 ст. 160 УЗ Латвии). В России, кроме такой же верхней границы возраста потерпевшего, в качестве квалифицирующего признака определена и нижняя — 12 лет (ч. 3 ст. 134 УК РФ). Совершение действий, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 134 УК РФ в отношении лица, не достигшего 12 лет, в силу непонимания таким лицом совершаемых с ним действий, подлежит квалификации по ст. 131 или 132 УК РФ (примечание к ст. 131 УК РФ) как деяние, совершенное в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии. Вместе с тем заметим, что данная российская норма небезупречна и вызывает целый ряд обоснованных критических замечаний³, в силу чего требует корректировки, однако в целом сама идея оправданна.

Таким образом, в отличие от Латвии, в России законодательно установлено, что добровольное согласие лиц, не достигших 12 лет, на совершение с ними сексуальных действий, независимо от их интеллектуального развития, юридического значения не имеет.

В статье 134 УК РФ предусмотрен дифференцированный подход к деянию в зависимости от пониженного возраста потерпевшего (от 12 до 14 лет), его совершения в отношении двух или более лиц, совершения различными преступными группами, а также лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Перечисленные обстоятельства предусмотрены в качестве квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков деяния (ч. 3—6 ст. 134 УК РФ), тогда как в УЗ Латвии таковых вообще не установлено.

Конструкция ст. 134 УК РФ, а именно раздельная регламентация полового сношения в ч. 1, мужелож-

ства или лесбиянства в ч. 2 (т. е. фактическое выделение двух самостоятельных составов преступлений), а также наличие квалифицирующих признаков этих преступлений, предопределила дифференцированный подход к установлению санкций этой статьи. Самым строгим наказанием за деяние, предусмотренное ч. 1, является лишение свободы на срок до четырех лет, а за деяние, предусмотренное ч. 2, — лишение свободы на срок до шести лет. За их совершение в отношении лиц в возрасте от 12 до 14 лет предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком от трех до 10 лет; в отношении двух или более лиц — от восьми до 15 лет; группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой — от 12 до 20 лет; в отношении лица от 12 до 14 лет, совершенное лицом, имеющим судимость за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, — от 15 до 20 лет либо пожизненным лишением свободы. Самым строгим наказанием в ст. 161 УЗ Латвии предусмотрено лишение свободы на срок до пяти лет.

Таким образом, наказания за рассмотренные преступления в Латвии (до пяти лет лишения свободы) и в России безотягчающих обстоятельств (до четырех и до шести лет лишения свободы в зависимости от совершенных действий) достаточно близки. Существенно различными они становятся при наличии обстоятельств, перечисленных в качестве квалифицирующих в ст. 134 УК РФ. Совершение деяния в Латвии при наличии любого из них (за исключением совершения в отношении двух и более лиц) не изменит строгости наказания, оно также составит до пяти лет лишения свободы. В России по мере возрастания тяжести обстоятельств совершения деяния сроки лишения свободы увеличиваются вплоть до пожизненного лишения свободы. Кроме того отметим, что во всех санкциях ст. 134 УК РФ законодатель предусматривает дополнительные наказания, однако оставляет вопрос их назначения на усмотрение суда. Исключение составляет лишение права заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет, которое обязательно назначается в дополнение к лишению свободы (ч. 6 ст. 134 УК РФ).

Еще одним отличием, вытекающим из содержания санкций рассматриваемых норм, является то, что преступление, предусмотренное ст. 161 УЗ Латвии, в силу ч. 4 ст. 7 УЗ Латвии относится к категории тяжких преступлений. При этом в соответствии с ч. 3 ст. 58 УЗ Латвии виновное лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в случае активного способствования раскрытию другого более тяжкого преступления. Применительно к ст. 134 УК РФ следует отметить, что лишь преступление, предусмотренное ч. 1 данной статьи, относится к категории средней тяжести, а значит, лицо, его совершившее, может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением

³ См., например: *Рарог А. И.* Современные тенденции развития российского уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XI Междунар. науч.-практ. конф. (30—31 января 2014 г.). М., 2014. С. 4; *Бимбинов А. А.* Потерпевший в составе развратных действий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XII Междунар. науч.-практ. конф. (29—30 января 2015 г.). М., 2015. С. 327; *Цэн-гэл С. Д.* О примечании к ст. 131 УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XII Междунар. науч.-практ. конф. (29—30 января 2015 г.). М., 2015. С. 326.

с потерпевшим или деятельным раскаянием (ст. 75, 76 УК РФ). Все остальные деяния ст. 134 УК РФ относятся к тяжким и особо тяжким преступлениям, и освобождение от уголовной ответственности по ним невозможно.

Кроме того, российский законодатель в примечании 1 к ст. 134 УК РФ предусматривает специальное основание освобождения от наказания за половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 134 УК РФ), а в примечании 2 — особые правила назначения наказания за совершение этого же деяния в случае разницы в возрасте потерпевшего и подсудимого менее четырех лет (в частности, при наличии такого условия не назначается наказание в виде лишения свободы). В УЗ Латвии подобных норм не предусмотрено.

Незнакомым для российского уголовного законодательства следует признать состав ненасильственного полового преступления против несовершеннолетних, регламентированный в ст. 162¹ УЗ Латвии. Несмотря на его название «Склонение к действиям сексуального характера», схожее со ст. 133 «Понуждение к действиям сексуального характера» УК РФ, эти деяния совершенно разные. Потерпевшим в составе преступления, предусмотренного в ст. 162¹ УЗ Латвии, определено лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста. Объективная сторона предполагает совершение альтернативных действий. Первое из них представляет побуждение потерпевшего к действиям сексуального характера. Способов его совершения законодатель не указывает, из чего можно заключить, что они могут быть различными (например, уговоры, обещания различных благ, обман и др.), за исключением указанных в ст. 159 и 160 УЗ Латвии (т. е. любыми, кроме насильственных). Второе выражается в обращении к потерпевшему с предложением о встрече. Средствами его реализации, т. е. доведения обращения до адресата, определены информационные и коммуникационные технологии или иные средства связи (телефон, сеть Интернет и др.). Субъективная сторона характеризуется умыслом. Обязательным признаком совершения второго из указанных действий установлена цель — вступление с потерпевшим в половое сношение или иные сексуальные отношения. Субъектом преступления является совершеннолетнее лицо.

Изложенные признаки деяния позволяют заключить, что данный состав преступления является ненасильственным. Его регламентация призвана обеспечить защиту лиц, не достигших 16 лет, от вовлечения в сексуальные отношения, оградить их от общения, в том числе в завуалированной форме, с совершеннолетними лицами, использующими различные средства связи с преступным намерением — вызвать у потерпевшего интерес к сексуальным отношениям, склонить его к встрече и последующему вступлению в сексуальные контакты.

В качестве наказания ст. 162¹ УЗ Латвии предусматривает лишение свободы на срок до одного года, или принудительные работы, или штраф с дополнительным наказанием в виде надзора probation на срок до трех лет или без такового.

Представленное преступление было введено в УЗ Латвии Законом от 30 октября 2008 г. «Об изменениях в Уголовном законе» в связи с принятой Конвенцией Совета Европы от 25 октября 2007 г. «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия». Согласно ст. 23 Конвенции государствам-участникам предписано установление уголовной ответственности за подобные действия, причем с условием «если за таким предложением последовали практические действия, направленные на проведение такой встречи». Вместе с тем рассмотренная латвийская норма подобного условия не содержит, в чем усматривается ее более жесткий характер, так как преступление в ней сформулировано как оконченное до начала реализации указанных Конвенцией практических действий.

Россия также подписала Конвенцию и ратифицировала ее 7 мая 2013 г.⁴, но с оговорками, которые исключают ее обязательство регламентации в УК РФ преступления, аналогичного установленному ст. 162¹ УЗ Латвии. Поэтому в УК РФ подобной нормы нет, в силу чего российские дети остаются не защищенными от подобных действий совершеннолетних, по крайней мере действующим уголовным законом. В информационном пространстве подобным деяниям уже несколько лет противостоят «добровольцы» («охотники за головами педофилов», кибердружинники и др.) по борьбе с педофилами, которые пишут письма от имени несовершеннолетних и приходят на встречи. Подобная деятельность «общественников» указывает на востребованность такого состава преступления российским обществом. Поэтому опыт латвийского законодателя в данном аспекте, безусловно, заслуживает внимания со стороны российского законодателя.

Уголовными законами и Латвии, и России установлена ответственность за развратные действия. Их основными признаками, установленными в ст. 162 УЗ Латвии, являются: недостижение шестнадцатилетнего возраста и (или) беспомощное состояние потерпевшего; деяние в форме действий, характеризующихся отсутствием физического соприкосновения виновного с телом потерпевшего; способы совершения действий — насилие, угрозы или использование доверия, авторитета или иного воздействия на потерпевшего и альтернатива этих способов в виде использования беспомощного состояния потерпевшего либо их совершение против его воли; субъект — совершеннолетнее лицо; цели — удовлетворение полового влечения или возбуждение полового инстинкта у потерпевшего. Диспози-

⁴ См. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 76-ФЗ.

ция ч. 1 ст. 135 УК РФ позволяет выделить лишь три признака развратных действий: потерпевший — лицо, не достигшее 16 лет, отсутствие применения насилия в действиях виновного и возраст субъекта — совершеннолетие.

Анализ способов совершения развратных действий позволяет заключить, что в России таковыми признаются только ненасильственные действия, тогда как в Латвии, наоборот, зачастую они носят насильственный характер. Исключение из этого правила может составлять использование беспомощного состояния потерпевшего. Таким образом, согласно УЗ Латвии развратные действия носят смешанный характер (могут быть как насильственными, так и ненасильственными). Заметим, что некоторые российские ученые еще в период действия Уголовного Кодекса РСФСР 1960 г. настаивали на необходимости выделения развратных действий, совершенных насильственным способом, в квалифицированный состав преступления⁵. Другие, напротив, не видят в этом необходимости. Так, П. С. Яни считает, что насильственные развратные действия, в том числе только интеллектуальные, не сопряженные с физическим сексуальным контактом виновного с потерпевшим, образуют действия сексуального характера⁶, т. е. преступление, предусмотренное ст. 132 УК РФ. Таким образом, подход к вопросу насилия в развратных действиях в отечественной доктрине уголовного права является дискуссионным.

В латвийской норме обращает на себя внимание широкий спектр способов совершения развратных действий, некоторые из этих способов (например, использование доверия, авторитета или иное воздействие на потерпевшего) могут быть включены в объективную сторону состава в рамках совершенствования конструкции рассматриваемого преступления в УК РФ.

Кроме того, развратные действия в УЗ Латвии представлены только в виде визуальных или звуковых действий, на что указывает оговорка об отсутствии в них физических контактов с телом потерпевшего. Российская норма, толкование которой широко представлено в различной литературе (учебной, научной, специальной), предполагает самые разнообразные действия, в том числе сопряженные с различными видами физических сексуальных контактов между виновным и потерпевшим, несколькими потерпевшими, и другие, в том числе оральные и анальные контакты между разнополыми лицами⁷.

⁵ См.: Дьяченко А. П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений: учеб. пособие. М., 1995.

⁶ См.: Яни П. С. Вопросы квалификации половых преступлений // Законность. 2013. № 5. С. 18.

⁷ См.: Красилов А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 149; Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1998. С. 139; Шарго-

Такое широкое их понимание вызывает множество дискуссий в научной среде и, думается, требует своего исправления посредством четкой регламентации содержания развратных действий в российском законодательстве.

Расхождение латвийского и российского законодателя усматривается в определении возраста потерпевших от развратных действий, которое аналогично преступлениям, предусмотренным ст. 134 УК РФ и ст. 161 УЗ Латвии.

Также отметим широкий круг квалифицирующих признаков развратных действий в УК РФ, которые совпадают с установленными в ст. 134 УК РФ, и только один квалифицирующий их признак в УЗ Латвии — наступление тяжких последствий (представляющий оценочное понятие).

Широко дифференцированный подход российского законодателя к регламентации развратных действий предопределил градацию наказаний. За совершение основного состава развратных действий в обеих странах самым строгим наказанием предусмотрено лишение свободы сроком до трех лет. В случае совершения преступления в отношении лиц от 12 до 14 лет в УК РФ срок лишения свободы возрастает с трех до восьми лет, за совершение в отношении двух или более потерпевших он установлен — от пяти до 12 лет, за совершение группами — от семи до 15 лет, и за совершенное в отношении лиц в возрасте от 12 до 14 лет лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, — от 10 до 15 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 20 лет. В УЗ Латвии квалифицирующий признак развратных действий является основанием повышения срока лишения свободы до семи лет с обязательным установлением надзора probation на срок до трех лет.

Таким образом, как и применительно к ст. 134 УК РФ, российский законодатель прибегает к достаточно широкой градации наказаний за развратные действия, которую вряд ли можно признать целесообразной, поскольку судебная практика показывает ее невостребованность. Например, в 2013 г. по ч. 3 ст. 134 УК РФ, предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок от трех до 10 лет, к указанному виду наказания было осуждено 149 человек, из них 72 осужденным (48,3%) назначено лишение свободы на срок до трех лет, 63 осужденным (42,2%) — на срок до пяти лет, 13 осужденным (8,7%) — до восьми лет и лишь одному (0,6%) — до десяти лет⁸. А за

родский М. Д., Осипов П. П. Курс советского уголовного права: в 5 т. Т. 3. Л., 1973. С. 656—657.

⁸ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362> (дата обращения: 27 апреля 2015 г.).

2014 г. по ч. 5 ст. 134 УК РФ, предусматривающей наказание от 12 до 20 лет лишения свободы, осуждено шесть человек, причем всем им назначено наказание до 15 лет лишения свободы (причем двум из них — до восьми лет лишения свободы)⁹.

Следует отметить, что преступление, предусмотренное ст. 162¹ УЗ Латвии, относится к категории уголовного проступка, в связи с чем в силу ст. 58 УЗ Латвии совершившее его лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 162 УЗ Латвии, относится к категории менее тяжких преступлений, следовательно, в силу ст. 58 УЗ Латвии совершившее его лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 162 УЗ Латвии, относится к категории тяжких преступлений, а значит лицо, его совершившее, также может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с активным способствованием раскрытию другого, более тяжкого преступления (так же как применительно к ст. 161 УЗ Латвии). В статье 135 УК РФ лишь ч. 1 относится к преступлениям средней тяжести, следовательно, возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Таким образом, латвийский законодатель предусматривает широкие возможности освобождения от уголовной ответственности для лиц, совершивших ненасильственные половые посягательства в отношении несовершеннолетних. При этом следует отметить, что в отличие от УК РФ УЗ Латвии для применения освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим устанавливает обязательное условие — лицо в течение последнего года не было освобождено от уголовной ответственности за совершение умышленного преступления. Такое ограничение случаев освобождения от уголовной ответственности заслуживает внимания со стороны российского законодателя, где подобных ограничений нет.

Еще одной особенностью наказания развратных действий в России является предписание о неприменении наказания в виде лишения свободы в случае совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 135 УК РФ, при разнице в возрасте между виновным и потерпевшим лицом менее четырех лет (примечание 2 к ст. 134 УК РФ). Подобных норм УЗ Латвии не устанавливает.

Изложенное позволяет заключить, что, несмотря на схожесть названий статей, регламентирующих ненасильственные половые преступления, содержание

их норм позволяет утверждать, что конструкции латвийского и российского уголовного законодательства достаточно серьезно различаются. Исследование их содержания позволило определить сильные и слабые стороны регламентации ненасильственных половых преступлений в УК РФ и УЗ Латвии, а также перспективы дальнейшего совершенствования этой регламентации.

Выигрышными положениями латвийского законодательства, по сравнению с российскими, представляются следующие:

1) регламентация всех форм сексуальных контактов (отношений) между совершеннолетним лицом и лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, при добровольном согласии последнего на их совершение в рамках единого состава преступления (одной уголовно-правовой нормы);

2) легальное толкование понятия развратных действий с обозначением их основных признаков; признание таких действий как насильственными, так и ненасильственными; регламентация различных форм принуждения к их совершению;

3) регламентация склонения лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, к действиям сексуального характера посредством использования информационных и коммуникационных технологий или иных средств связи.

Более удачными положениями российского законодательства, чем латвийского, в рассматриваемой сфере представляются такие как:

1) установление границ возраста потерпевшего (от 12 до 16 лет) в половом сношении и иных действиях сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет и в развратных действиях;

2) признание лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста, находящимися в беспомощном состоянии, поскольку они не могут понимать характера и значения совершаемых с ними действий, и, соответственно, юридически не значимым их согласие на совершение сексуальных действий, а также предписание оценивать любые сексуальные действия с такими лицами в качестве насильственных половых посягательств;

3) дифференциация уголовной ответственности за совершение ненасильственных половых преступлений в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, в рамках выделения квалифицирующих признаков этих преступлений.

Перечисленные положения могут быть взяты на вооружение законодателями обеих стран в целях совершенствования законодательства в сфере защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних, повышения уровня качества законодательства и его позитивного проявления на практике.

Система наказаний за рассмотренные преступления более логично выстроена в латвийском законодательстве, российская из-за чрезмерной диффе-

⁹ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=586> (дата обращения: 27 апреля 2015 г.).

ренциации остается не востребованной правоприменителем.

В целом компаративный анализ ненасильственных половых преступлений, предусмотренных уголовными законами Латвии и России, позволяет констати-

ровать, что латвийский законодатель более широко обеспечивает защиту лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, подтверждением тому служит состав преступления, предусмотренный ст. 162¹ УЗ Латвии, которому нет аналога в УК РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права: сб. / сост. В. А. Туманов (вступ. ст., пер.). М., 1981.

Бимбинов А. А. Потерпевший в составе развратных действий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XII Междунар. науч.-практ. конф. (29—30 января 2015 г.). М., 2015.

Дьяченко А. П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений: учеб. пособие. М., 1995.

Кантемирова К. Х. Теоретические и практические проблемы квалификации половых преступлений // Российский следователь. 2007. № 13.

Кахний М. В. Соотношение изнасилования и полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 5.

Коргутлова Т. А. Половые преступления: теоретические и практические аспекты // Современное право. 2009. № 10.

Красиков А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996.

Рарог А. И. Современные тенденции развития российского уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XI Междунар. науч.-практ. конф. (30—31 января 2014 г.). М., 2014.

Романов В. Г. Уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1998.

Фаткуллина М., Островская Ю. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ // Уголовное право. 2009. № 5.

Цэнгэл С. Д. О примечании к ст. 131 УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XII Междунар. науч.-практ. конф. (29—30 января 2015 г.). М., 2015.

Шаргородский М. Д., Осипов П. П. Курс советского уголовного права: в 5 т. Т. 3. Л., 1973.

Яни П. С. Вопросы квалификации половых преступлений // Законность. 2013. № 5.